

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ИДЕИ И ПОДХОДЫ

Автор: ВАЛ. А. ЛУКОВ

ЛУКОВ Валерий Андреевич - доктор философских наук, профессор, заместитель ректора Московской гуманитарно-социальной академии по научной работе.

Аннотация. Рассматриваются теории молодежи, выдвинутые в последние годы российскими учеными. Представлена авторская версия теории молодежи, основанная на тезаурусном методологическом подходе. Поставлена проблема отражения в новых теориях молодежи перспектив человека как биосоциального существа.

Ключевые слова: теории молодежи • тезаурусная концепция • трансгуманизм • постчеловек • биосоциология

Представляется необходимым выявить базовые тенденции концептуализации молодежи в новых условиях, задаваемых российской действительностью, а также переменами в мире. От характеристики теорий молодежи перейдем к концепциям только формирующимся (особый акцент на тех из них, которые учитывают перспективы человека как биосоциального существа).

Исходим из того, что XXI в. несет с собой *обновление представлений о молодости и молодежи*. Такое утверждение может быть и общепринятым, и отвергаемым. С ним легко согласиться, опираясь на здравый смысл и распространенные взгляды (кардинальные перемены в обществе под воздействием глобализации, развития новых информационных технологий и средств коммуникаций, новых "картин мира" и т.п.). Его можно и критиковать как упрощение связи между феноменом и теорией, а также за преувеличение изменчивости в базовых жизненных структурах под воздействием преходящих факторов и условий человеческой повседневности. Но есть основание считать выдвинутый тезис вполне правомерным, по крайней мере, по двум обстоятельствам.

Первое состоит в том, что наблюдения за развитием теорий молодежи свидетельствуют об устойчивой связи генерирования новых или обновления ранее разработанных концепций с определенными явлениями в молодежной среде и определенными периодами, когда они видны на поверхности. В эти периоды, во-первых, социальная субъектность молодого поколения проявляется наиболее полно и многосторонне, во-вторых, эти проявления оказываются неожиданными для общества. Можно сказать, что в такие периоды новые социальные и культурные практики, реакции молодых людей, их формальных и неформальных объединений на события экономической, политической, культурной жизни озадачивают власть и экспертные сообщества, связанные с исследованием молодежи и социальным управлением воспроизводствен-

ными процессами [Луков, 2007: 74 - 75]. Соответственно, может быть предсказано появление новых теорий молодежи с дистанцией от событий примерно в 5 - 10 лет. Применительно к нашей стране кардинальные перемены в социальном строе и в институтах социализации молодежи в конце 1980-х начале 1990-х гг. содержали предпосылки для обновления концептуализации молодежи.

Второе обстоятельство: и в самом деле, в конце 1990-х - 2000-е гг. в России произошел качественный скачок в концептуализации молодежи, отразившийся в работах М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок, И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, Вал. А. Лукова, Е. Л. Омельченко, В. И. Чупрова, Ф. Э. Шереги и ряда других авторов. Некоторые из этих работ представляют собой обобщение ранее проведенных эмпирических исследований, другие содержат более или менее основательные новые теоретические идеи, которые еще только предстоит реализовать в инструментарии эмпирических исследований. Но главное - прогнозируемый рывок в развитии теорий молодежи действительно произошел.

Новый социальный опыт молодежи и обновление теорий молодежи. На пороге 1970-х гг. М. Мид сформулировала идею о том, что в определенные эпохи естественный путь передачи культурных кодов от старших поколений младшим (на чем основывается постфигуративная культура) может смениться своего рода равенством поколений в этой сфере (кофигуративная культура), а в особых ситуациях - и сменой направления, когда устанавливается префигуративная культура, содержащая ориентацию на будущее. Это ситуации, когда для достижения жизненного успеха молодые не могут опираться на опыт старших и, напротив, старшие нуждаются в знании молодых и их видении мира, прислушиваются к молодежи [Mead, 1970]. К XXI в. эта идея получила множество свидетельств в свою поддержку, поскольку черты и кофигуративной, и префигуративной моделей культурного развития стали зримы во множестве стран, а в силу набирающей силу глобализации в экономической и политической жизни - распространились по всему миру.

Что же, собственно, нового в социальном опыте молодых поколений? Не считать же социальным преимуществом поколения "детей" то, что оно лучше владеет компьютером и средствами мобильной связи в сравнении с поколениями "отцов" и "дедов". Власть ведь остается в руках старших. И все же ответ здесь не однозначен. Включенность молодежи в массовом масштабе (а это важно учитывать при решении вопроса о критической массе фактов, необходимых для того, чтобы считать совокупность событий социальными практиками) в компьютерные сети уже привела (а в перспективе эта тенденция будет нарастать) к тому, что и повседневные связи в новых поколениях все больше строятся как *сетевые*. Теория сетевого общества М. Кастельса потому так легко вошла в сознание современных социальных философов и социологов, что построена с опорой на наблюдения за отношениями пользователей электронных ресурсов в Интернете и других сетях. Старшее поколение тоже работает в Интернете все активнее (хотя молодежь здесь впереди), но его габитусы (если пользоваться терминологией П. Бурдьё) или тезаурусы (по нашей терминологии) выстроены как структуры иерархические, что является прямым следствием освоенных культурных кодов. Если признать, что сетевое общество существенно отличается от иерархически организованного, то с молодежью надо связывать далеко идущие перемены не только в технологии коммуникаций, но и в самом основании социальных конструкций. Пока - в пределах повседневных практик взаимодействия, в перспективе - социетальных обновлений.

В той или иной мере предчувствие крупных перемен во взаимоотношении общества (как целого) с молодежью (как его части) отражается на теориях молодежи, получивших признание в последние два десятилетия. В ряде обобщающих работ и сборников научных статей последнего времени более масштабно на теоретическом уровне представлено осмысление эмпирического материала, отразившего новые аспекты социальной жизни молодежи. Таковы, в частности, итоги изучения рисков, которым подвержены новые поколения [Зубок, 2003; Чупров, Зубок, 2011], новых

феноменов молодежных субкультур [Левикова, 2004; Шапинская, 2008; Громов, 2009], изменения роли, которую начинает играть конкуренция новых и старых стилей жизни, полемика по поводу которой, как отмечает В. Г. Федотова, "является нервом проблемы" [Федотова, 2005: 30]. Большое внимание исследователей вызывают различные девиации в молодежной среде, проявления экстремизма, вовлечение в наркопрактики и т. п. [Молодёжный..., 1996; Экстремизм..., 2003; Шереги, Арефьев, 2003; Шереги, 2004].

Наблюдаемое многообразие концепций представляется свидетельством, во-первых, активных поисков в разрешении целого ряда проблем, которые остаются в исследованиях молодежи, во-вторых, освоением новых теоретико-методологических ресурсов. С одной стороны, в концепциях, получающих сейчас законченный вид, уже оставили след увлекавшие многих в 1990-е гг. западные теории, которые ранее отечественным исследователям были малодоступны или известны фрагментарно. Феномен неопитства уже в основном преодолен российским научным сообществом. С другой стороны, стало больше самостоятельности при создании концептуальных текстов. Об этом свидетельствуют, в частности, отечественные концепции ювенологии (ювентологии) - комплексной науки о молодежи, причем в методологическом плане здесь есть и однозначно марксистская версия [Павловский, 2001], и версия, декларирующая "синтез субъективно-объективных подходов в гуманитарном познании" [Слуцкий, 2002: 62]. Если еще два десятилетия назад такие разночтения рассматривались бы преимущественно в категориях идеологической борьбы, то теперь они - предмет собственно научной дискуссии.

Можно констатировать, что общей чертой основной массы теоретических работ по молодежной проблематике, появившихся в России в последние два десятилетия, стал отход от позиции, согласно которой марксизм есть единственно верная социальная теория и потому непозволительно ее соединять ни с какими другими теориями общества. Если у тех или иных авторов и сохраняется марксистский подход к анализу общества, то это не препятствует его применению наряду с подходами М. Вебера, Э. Дюркгейма, А. Шюца, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, Н. Лумана и других - в основном западных - теоретиков-обществоведов. Методологический коллаж стал приемлемым и воспринимается как продуктивный, по крайней мере, до того момента, когда утрачивается стержень.

Фактически и раньше такой коллаж применялся в отечественной социологии, когда под прикрытием официального марксизма реализовалась структурно-функциональная парадигма. Последняя - теперь вполне открыто - сохраняет свои позиции в новейших исследованиях, о чем свидетельствуют работы по молодежной проблематике видных российских социологов [Григорьев, Немировский, 1995; Горшков, Шереги, 2010 и др.]. Наиболее крупной из новых публикаций, ориентированных на теоретико-методологический подход структурного функционализма, является исследование М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги "Молодежь России: социологический портрет". В теоретико-методологическом ключе этот труд показателен. Хотя авторы не выдвигают, казалось бы, каких-то новых идей и исследовательских подходов в сравнении с теми, которые были распространены в отечественной социологии молодежи на протяжении последнего полувекового периода, их четкая ориентация на структурно-функциональную парадигму позволила вновь выявить значимость вопросов социальной структуры, которые связаны с фундаментальными социологическими постулатами даже и во времена, когда эта структура динамично перестраивается и обновляется. Когда из исследований молодежи по тем или иным соображениям уходят темы социальной структуры и воспроизводственной функции молодежи, - это вовсе не обновление теории молодежи, а ее оскудение.

Показательна в этом плане демонстрация Горшковым и Шереги связи нынешней социально-классовой структуры российского общества и формирования однородности массового сознания молодого поколения, "...однако в экономическом аспекте - "пролетарской" однородности, а отнюдь не мировоззрения среднего класса", - заме-

чают авторы, основываясь на своих исследованиях. "Порожденные этой социальной структурой распределительные отношения формируют у молодежи иждивенческую психологию, ориентированную на попечительскую роль государства, как это было в советский период" [Горшков, Шереги, 2010: 587 - 588].

В концептуальном поле молодежных исследований с середины 1990-х гг. получила развитие позиция, в своей основе опирающаяся на социально-философское понимание гуманизма как признания самоценности человека, его жизненного выбора на каждом из этапов становления личности и личностного роста. Самоценна, таким образом, и молодость, выступающая как биосоциальное свойство индивида, - но также и достояние народа, страны, общества. В кругу отечественных исследователей в таком ракурсе строит свое осмысление молодежи И. М. Ильинский. Совокупность его теоретических постулатов относительно молодого поколения есть основания определить как *гуманистическую концепцию молодежи*.

В дискуссиях о необходимости и правомерности разработки и принятия "закона о молодежи" (1986 - 1991 гг.) сформировались основные позиции теоретической концепции молодежи и молодежной политики Ильинского, позже концепция дополнялась и модифицировалась, но ее основные положения сохранялись [Закон..., 2008]. Специфика его концепции состоит в том, что она существует не сама по себе как еще одна теория молодежи, но как обоснование определенной линии в области разработки и осуществления молодежной политики, выявления ее стратегической составляющей. Но это было бы невозможно без ответа на наиболее общие вопросы о сущности молодежи, ее характерных чертах, ее месте в обществе. Широкая постановка вопроса о положении молодежи приводит исследователя к убеждению, что *"необходима современная, отвечающая запросам XXI в., концепция молодежи, которая, в свою очередь, не может быть создана без новой философии возраста. Эта философия и основанная на ней концепция молодежи будут складываться из системы универсальных общепринятых среди ювенологов мира научных истин о молодежи как особой категории общества, которые являются общечеловеческим достоянием, а также идей и знаний о молодежи конкретных обществ"* [Молодёжь..., 1993].

Исходя из этого, Ильинский формулирует свою концепцию молодежи. Центральное ее звено составляет идея *субъектности молодежи*. Здесь есть новый поворот этой идеи, которая в той или иной форме затрагивалась рядом других ученых. Проблема, по Ильинскому, состоит в том, что мир решительно меняется, идут процессы, которые не могут быть в достаточной мере осмыслены и тем более взяты под контроль старшим поколением. В этих условиях вопрос состоит не в том, чтобы поделиться субъектностью с молодежью, но опереться на субъектность молодежи, чтобы *вытянуть целое* - все общество, его настоящее и будущее. Это концептуальное переосмысление роли молодежи и молодежного движения в новых социальных и культурных условиях [Ильинский, 2011: 418 - 421].

Концепция Ильинского, несомненно, сформировалась в ключе современных философских представлений о *глобализации* мировых тенденций [Ильинский, 1999: 39]. Собственно, когда говорят о вызовах глобализации, должно быть ясно, что она бросает вызов именно молодежи - и не только завтра, но и сегодня. Отсюда, между прочим, вытекает новая роль образования: оно призвано преодолеть в подрастающих поколениях негативные следствия глобализации в ее нынешних реалиях - "глобализации по-американски". Эту позицию Ильинский формулирует в книге "Образовательная революция". Его вывод таков: в ситуации, когда глобализация по-американски стала основным фактором неустойчивого развития и все более делает привычным абсурд происходящего, когда мир становится все более неопределенным и непредсказуемым, образование призвано стать средством спасения. Оно должно носить *"упреждающий, опережающий характер"*, способствовать конструированию и строительству новой реальности... [Ильинский, 2002: 240]. Это означает и смену

приоритетов: "если прежняя парадигма в своей основе и содержании была научно-технократической, то новая по своему содержанию является прежде всего гуманитарной".

Из этого обобщения сделан вывод о возможности и необходимости воспитания поколения по определенной модели, общей для различных социальных групп, исходя из задач формирования жизнеспособной личности [Ильинский, 2002]. Предложен, таким образом, необычный путь решения одного из сложных вопросов теории молодежи - соотношения социальной дифференциации в молодежной среде и личностных свойств, не лежащих в плоскости социальных различий.

Многолетний опыт работы И. М. Ильинского и его коллег по Московскому гуманитарному университету над концепцией молодежи и молодежной политики показывает, что работа эта не может проходить лишь в чисто академической манере и оцениваться по правилам построения научных теорий. Только в соединении с насущными задачами самореализации человека в его лучших свойствах и чертах, только в связи с осознанными действиями общества по сохранению себя в новых поколениях, восхождению через молодых к более высоким уровням социального развития имеет смысл разрабатывать теории молодежи и основные направления молодежной политики.

Это, в частности, подтвердила выдвинутая с опорой на идеи И. М. Ильинского концепция социализационной нормы А. И. Ковалевой, которую исследователь определяет, во-первых, как результат успешной социализации, позволяющей индивидам воспроизводить социальные связи, общественные отношения и культурные ценности данного общества и обеспечивать их дальнейшее развитие; во-вторых, как многомерный эталон социализированности человека с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик; в-третьих, как устоявшуюся в обществе совокупность правил передачи социальных норм и культурных ценностей от поколения к поколению [Ковалёва, 1997: 7 - 8]. Социализационная норма выступает мерой социализированности индивида в соответствии с характеристиками социальности данного общества.

Ковалева показывает, что хотя социализационная норма тесно связана с нормой социальной, она не должна сводиться к последней. "Суть различия состоит в назначении той и другой нормы: для социальной нормы таким назначением является регуляция поведения индивида и группы, для социализационной - регуляция вместе с освоением нормы (адаптация к ней и её интериоризация индивидом, как основного свойства, как *differentia specifica*). Цель регуляции - передача социальной нормы. Субъектно-объектная сторона регулирования определяется отношениями "передающий-усваивающий" ("учитель-ученик")".

Выделение социализационной нормы продуктивно для исследования детей и молодежи, поскольку именно она (а не общая социальная норма) *выстраивает каркас социального статуса* человека в период детства и юности. Вероятно, социализационная норма действует и на следующих возрастных этапах, но ее роль там ограничена и ориентирующее значение и для личности, и для общества имеет преимущественно социальная норма.

Продуктивной оказалась и концепция социализационной траектории, которую А. И. Ковалева определяет как специфическую для конкретного человека совокупность характеристик направленности, хода и результативности процесса его социализации. Социализационная траектория в таком случае выступает интегральным показателем характера социализации. Траекторная модель социализации индивида показывается А. И. Ковалевой в нескольких срезам: (1) влияние внешней среды; (2) субъектность и (3) диспозиция личности в процессе социализации. "Алгоритм построения социализационной траектории основывается не на статических состояниях, а на динамике процесса социализации с учетом пройденного индивидом этапа жизненного пути, причем основные характеристики измеряются во временном континууме" [Ковалёва, Луков, 1999: 277].

Две концептуальные идеи Ковалевой (социализационная норма и социализационные траектории) эвристичны для теоретического осмысления молодежной проблематики, особенно в той части, которая касается выявления специфики социального статуса молодежи и характерных для нее социальных идентичностей. Это показали и исследования учеников А. И. Ковалевой [Свиридова, 1999; Очковский, 2000; Реут, 2000; Жулковская, 2002; Тарновская-Якобец, 2006 и др.], а также ее последователей [Филоненко, 2009].

Осмысление нового социального опыта молодежи дало толчок к появлению новых аспектов в концепции социального развития молодежи, разработка которой началась в середине 1980-х гг. под руководством В. И. Чупрова. Эта концепция легла в основу крупного научного проекта "Социальное развитие молодежи", осуществлявшегося в Институте социально-политических исследований РАН в 1990 - 2002 гг.

В рамках этой концепции [Чупров, 1994(a); Чупров, 1994(b)] молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, выполняющая три важнейшие социальные функции: воспроизводственную, инновационную и трансляционную. По Чупрову, "отличительное социальное качество молодежи связывается с тем специфическим положением, которое она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, и определяется способностью молодого поколения унаследовать и воспроизводить сложившуюся на момент его становления структуру общественных отношений" [Чупров, 1992: 9]. Воспроизводя сложившуюся структуру общественных отношений, молодежь перенимает социальный опыт старших поколений и вносит новое в этот процесс, реализуя свои инновационные свойства. Этот процесс составляет своего рода фрагмент преемственности и смены поколений; молодежь, взрослея, становится источником социального опыта для следующего поколения - так реализуется трансляционная функция молодежи.

На наш взгляд, концепция социального развития молодежи не только не исчерпала своего содержания в проведенных эмпирических исследованиях, но и имеет немалый потенциал для дальнейшего развертывания. Ее достоинства особенно заметны в рамках социологии молодежи при формировании теории макросоциологического уровня. Здесь концепция социального развития молодежи обнаруживает и свои порождающие возможности. Свидетельством этого стало развитие концепции Чупрова его ученицей и последовательницей Ю. А. Зубок, автором *рискологической концепции молодежи*.

От школы ИСПИ РАН, школы Чупрова в концепции Ю. А. Зубок идет линия на исследование социального развития молодежи. От работ У. Бека, Э. Гидденса, А. Д. Урсула, Н. Л. Смакотиной, в какой-то мере Н. Лумана, М. Дуглас, Д. Луптон и др. исследовательница получает методологию социологического исследования риска и социальной неопределенности. Хотя было бы неверно говорить, что проблематика риска не изучалась применительно к молодежи (есть работы Л. Махачека, М. Янга, Дж. Байнера и ряда других авторов), но совсем иное дело - воссоединить тематику общества риска с тематикой социального развития молодежи. На пересечении возникает новый концептуальный продукт, ценность которого в теоретическом плане представляется значительной. Тема риска перестает быть простой рамкой исследования молодежи, данью модным в мировой социологии тенденциям, отражающим алармистские настроения интеллигенции западных стран перед лицом глобализма. Понятие риска приобретает характер методологического средства для описания и понимания молодежи.

Собственно, в этом видится и ядро научной новизны рассматриваемой концепции. Риск теоретически рассмотрен и показан на эмпирическом материале как *одно из сущностных свойств молодежи* [Зубок, 2007: 165 - 172]. Согласно концепции Ю. А. Зубок, риск, будучи социально обусловленным, возникает (1) в связи с переходным состоянием молодости как фазы жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодых людей; (2) под влиянием нового этапа социокультурной эволюции изменений в процессе передачи социального опыта между поколениями;

(3) в силу кардинальных изменений механизма социального взросления как следствие увеличения продолжительности социальной транзycji. При этом риск признается сущностной характеристикой молодежи не только на социально-групповом, но и на индивидуально-личностном уровне [Зубок, 2003: 197 - 199, 209, 213]. По этой логике риск может рассматриваться как мера противоречия (1) в диспозиционной структуре личности, (2) между объективной и субъективной формами существования самого риска, (3) между способами его рационализации [Зубок, 2003]. В разнонаправленности развития молодежи проявляется противоречие между объективной и субъективной формами риска (соответственно между средовой и деятельностной формами). Среди прочего, это предполагает рассмотрение применительно к молодежи социальной девиации с акцентом не на отклонении от принятых в обществе норм, а на процессе социального развития. В концепции Зубок все многообразие препятствий, возникающих в процессе развития молодежи и усиливающих риски в ее среде, сводится к связанным с (1) неравенством социального статуса, (2) характером взаимодействия с социальными институтами, (3) социокультурными особенностями молодых людей. В последующих работах исследователь развивает эту мысль, выявляя характеристики молодежного экстремизма, который рассмотрен не сам по себе (хотя и этот путь правомерен), а в опоре на социально-воспроизводственную теоретическую концепцию молодежи. Из последнего обстоятельства следует, что молодежный экстремизм следует связывать с неопределенностью переходного характера социального положения молодежи, который усиливается неопределенностью, свойственной современному этапу развития российского общества как общества риска [Чупров, Зубок, 2009: 17]. В этом же направлении (соотношение неопределенности и определенности) выполнено исследование В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок и Е. А. Певцовой относительно поведения молодежи в условиях социально-экономического и финансового кризиса последних лет [Чупров, Зубок, Певцова, 2009].

В работах Ю. А. Зубок сформулированы новые подходы к изучению социальной интеграции молодежи в социальную структуру, изучены практики социального исключения, раскрыты социально-регуляционные детерминанты риска в развитии молодежи [Зубок, 1998(a): 47 - 56; Зубок, 1998(b); Зубок, 2003; Чупров, Зубок, 2009]. Следует признать, что рассмотрение на современном российском материале этих и других проблем обладает в ряде случаев четко выраженным практически-прикладным характером. Рискологическая концепция молодежи открывает широкие перспективы понимания современных социальных феноменов и процессов. Она также дает повод задуматься над стратегическими путями социологии молодежи в меняющихся социальных условиях.

Теоретическая разработка проблем молодежи, как представляется, прежде всего, должна идти по пути разрешения ряда противоречий, которые сложились в практике эмпирических исследований, что тесно связано и с вопросом о научном обеспечении молодежной политики, социально-молодежной работы и других практических сфер применения систематизированных на определенной концептуальной базе знаний о молодежи. Хорошо освоенные методы сбора данных (анкетный опрос, прежде всего) могут сегодня удовлетворять потребности практики преимущественно в форме мониторинга, где недостатки в отражении реальности (ее огрубление, усреднение и т.д.) не столь существенны для дальнейшей работы по интерпретации результатов исследования. Даже если инструментарий таких исследований заслуживает критики, данные, полученные по одной методике с некоторым интервалом, позволяют достаточно уверенно характеризовать динамику изучаемых процессов. Впрочем, вряд ли это слишком большое утешение, особенно если учесть высокую трудоемкость большинства эмпирических исследований.

Наиболее спорными становятся данные в тематических областях, особенно важных для исследователей молодежи. Из опросов не может быть установлена реальная картина социальной обеспеченности молодежи, ее жизненных установок, ценностей, норм. Получаемые данные существенно искажаются в момент их сообщения самим

источником - респондентом, что связано в первую очередь с особенностями возраста. Психическую неустойчивость, наивность, несформированность жизненных позиций, равно как и максимализм и романтическое ожидание от будущего нельзя не признавать важными. К ним следует добавить значение групповой нормы, которая также в исследованиях пока учитывается слабо и более всего связывается с субкультурными проявлениями в среде молодежи, между тем как она лежит в основе общих для молодежи механизмов оценки и самооценки.

Эти обстоятельства в некоторых научных школах осмысливаются на уровне исходных положений теории молодежи. В отечественной социологии особенно интересны в этом отношении работы Е. Л. Омельченко и ее коллег по НИЦ "Регион" (г. Ульяновск). Сотрудничая в научных проектах с Центром русских и восточно-европейских исследований Бирмингемского университета (во главе с Х. Пилкингтон), группа Омельченко не только освоила британские концепции молодежи, учитывающие культурные факторы конструирования реальности, роль гендера, значимость субкультурных феноменов [Pilkington, 1994, 1996], но и сформировала свои подходы, в центре которых - молодежные культурные практики. Название совместного российско-британского исследования по молодежной проблематике "Бытовое, но не "нормальное"" вполне ясно отражает направление теоретического поиска, реализуемого в целой серии эмпирических проектов [Омельченко, 2004; Нормальная..., 2005; Посторонним..., 2005]. На поверхности видно, насколько значима для такого рода исследований качественная стратегия. Но все же главное видится в другом: Омельченко идет к изучению молодежи от фактора культуры и от проблематики идентификации. Эти два основания позволяют методические средства качественной стратегии использовать с наибольшей адекватностью, а заодно сдвигать ракурсы исследования молодежи от обобщений макросоциального уровня к установлению особенностей относительно ограниченных культурными конструктами и локальной территорией социальных общностей.

Омельченко обосновывает тезис о *культурной нормализации молодежи как альтернативе ее проблематизации и юсизму* (термин образован от англ. youth - молодежь, введенный Ф. Коэном для обозначения взгляда на молодежь как единой и гомогенной группы [Cohen, 1997]). Под культурной нормализацией она понимает "введение в описание молодежного вопроса идеологически и морально нейтральных терминов и рассуждений. Нейтральность в данном контексте - это свобода от властно-взрослых стереотипов, дискриминирующих молодежную субъективность, отказ от модальных оборотов "поколенческого долга и ответственности" за будущее нации и государства, от обобщенно-абстрактной унификации молодежи, исключаяющей ее из значимых для нее социально-культурных групп, с которыми у нее не меньше общего, чем со сверстниками" [Омельченко, 2004: 20]. В плане концептуализации молодежных исследований Омельченко выделяет восемь ключевых идей [Омельченко, 2004, 2002, 2003]: 1. Отход от *ресурсного взгляда* на молодежь. Объективированный подход к молодежи как ресурсу и направлению политических, идеологических и культурных интервенций, с позиций Омельченко, способствует развитию молодежной политики по модели ответа на моральные паники. 2. Соединение и равное использование структурно-статусного и культурно-психологического подходов в изучении молодежи, из чего следует рассмотрение взаимовлияний досуговой и рабочей, свободной (самостоятельно аутентичной) и контролируемой (социальными институтами) молодежных активностей. 3. Перенос акцента с описания структурных барьеров интеграции молодежи в общество как целое на специфику формирования молодежных идентичностей внутри различных жизненных циклов, связанных с включением в различные социальные институты. 4. Особое внимание к формированию жизненных стилей молодежи внутри пространственно-временных локализаций (родительская семья, образование, рынок труда, своя группа и т.д.) и к таким формам общения, как дружба, любовь. 5. Чувствительность к разнице классовых (стартовых) статусных, стилевых, гендерных и сексуальных измерений молодежных идентичностей (стабильных, мягких,

подвижных, временных). 6. Внимание к механизмам формирования новых типов солидарностей молодежи - реальных, виртуальных, воображаемых - в контексте глобально-локальных измерений ее жизненных миров. 7. Анализ характера влияния конструкторов молодежи на молодежь и самой молодежи - на продвижение тех или иных конструкторов, в частности в политике и новейших медиа-проектах. 8. Отход от унитарной категории "молодежь" и сопутствующей ей **социологических** исследовательских техник, которые опираются исключительно на широкие замеры общественного мнения и фокусируются на "молодежных проблемах". Обращение к многообразию молодежной реальности и интерпретациям ее смыслов разными людьми, относящими себя к молодежи.

Эти восемь положений сформулированы как своего рода программа институционального переворота в отечественной социологии молодежи (хотя автор в этом опирается на некоторые ранее сформировавшиеся подходы). Некоторые из положений полемично заострены, концептуально означают движение маятника в крайнюю точку признания безусловной ценности молодежной субъектности на оси трактовок молодежи в объектно-субъектной плоскости. Теоретически это возможно как выведение идеального типа молодежи (в веберовском понимании), но в реальности содержит потенцию критикуемого Омельченко юсизма, который можно понимать и как своего рода молодежный фундаментализм.

Концепция культурной нормализации молодежи не могла бы возникнуть, если бы в исследовательской практике молодежных **исследований** и в ее теоретическом обобщении, переходящем потом в область молодежной политики, социальная субъектность молодежи в массовом порядке не отвергалась как реальность сама по себе и как реальность, значимая для целостного функционирования и развития общества. Но и моральные паники взрослых - не выдумка, а отражение реальности, прежде всего, в категориях нормы и отклонения. Теоретический взгляд на молодежь в силу столкновения этих тенденций в повседневной жизни также оказывается между Сциллой объективизма и Харибдой ориентации на субъект, каковым в данном случае предстает молодежь. Омельченко на концептуальном уровне, безусловно, предпочитает второе и достигает заслуживающих самого пристального внимания результатов.

И здесь, как и в других концептуальных построениях, нельзя не видеть основной источник обновления теорий молодежи, а именно тот новый социальный опыт, который молодежь приобретает в изменяющемся обществе. И те картины мира, которые определяют восприятие реальности и поведение в ней.

На эту сторону теоретического осмысления молодежи особое внимание обращено в *тезаурусной концепции молодежи*. Ее основные положения сводятся к следующему [Луков, 2003; Луков Вал., Луков Вл., 2008]. Молодежь трактуется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир. Такой состав компонентов понятия, такая связь между ними, понимаемая как отражение социальной реальности, меняет сам взгляд на теорию молодежи. Тезаурусная концепция молодежи строится на фундаменте социальной субъектности и стремится прояснить пути ее присвоения молодежью через раскрытие её противоречивых черт в опредмеченной деятельности и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию. То обстоятельство, что институционализированный мир мало освоен молодым человеком, требует от него компенсаторных действий - самостоятельных и определенных взаимодействием в peer group. Постепенно происходит освоение им пространства, правил, реальностей этого мира. Механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. При чем конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от конструкций и проектов "ответственного взрослого" (родители, учителя и т. д.) и, кроме того, динамич-

но изменяться. Особенностью молодежной среды является совмещение нескольких тезаурусных генерализаций, которое ведет к событийной гиперболизации одной из них, - той, что более других подходит в наличной жизненной ситуации.

Общая схема конструирования социальной реальности молодежью включает: (1) адаптацию к условиям среды (пробы и ошибки; узнавание частей среды и правил; изменение поведения в соответствии с правилами; понимание и легитимация части среды через "наше"); (2) достраивание реальности (символизация через идеальное "благо" и "зло", построение символического универсума; компенсация недоступного; действия по ограждению "своего мира", выделение зоны независимости); (3) переструктурирование условий среды (игнорирование неважного; изменение пропорций и комбинирование в соответствии с тезаурусом; действие вне "своего мира" в соответствии со своим символическим универсумом). Эти позиции реализуются как фактический итог жизнедеятельности и как результат осуществления проекта.

Развитие тезаурусной концепции молодежи влечет за собой разработку целого ряда фундаментальных категорий гуманитарных наук. Такова, в частности, категория социализации, значение которой для социологического, социально-психологического, антропологического дискурса трудно переоценить. Наша гипотеза состоит в том, что (1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из элементов тезаурусных конструкций; (2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций с разной степенью актуальности (т.е. степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно, и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких тезаурусов и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов; (3) актуальность, актуализация и утеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации); (4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы.

Таким образом, тезаурус в когнитивном аспекте (через организацию знания) связывает личность с обществом. Возникающая в ходе социализационного процесса комбинация элементов (сведений, моделей поведения, установок, ценностей и т.д.) выстраивается из фрагментов тезаурусов "значимых других". Эти фрагменты сами несут в себе следы более ранних тезаурусных образований, также воспринятых от "значимых других" иного поколения. Общую часть тезаурусных фрагментов, из которых, собственно и формируются индивидуальные тезаурусы, мы называем тезаурусными конструкциями. Сцепление тезаурусных конструкций в тезаурусы обусловлено задачами ориентации в социальном пространстве-времени.

Здесь имеется обширный арсенал средств, которыми наделены как индивид, так и группа, работает целая программа идентификаций и культурных кодов. Но в конечном счете в их основе простые и, можно сказать, примитивные разделения "своего" и "чужого" (по другой системе отсчета - "своего", "чужого" и "чуждого"), которые и закладывают универсальную модель освоения социальности. Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций. Эти рамки включают и макросоциальные (структурно-функциональные и ситуативные), и микросоциальные влияния (статусно-ролевые, групповой динамики, ситуативные). Жизненные концепции могут оказывать регулирующую роль в преимуществах тех или иных влияний.

На основе этих положений мы рассматриваем свойства устойчивости и изменчивости молодежи как субъекта преемственности и смены поколений. Выделение таких свойств ставит исследователей молодежи перед сложной, но и заманчивой перспективой увидеть объект своего изучения в одном ряду с культурными константами, на которых зиждется общественный порядок. Но молодежь как культурная константа обладает особым характером, поскольку именно с ней связывается ожидание пере-

мен. В обществе такие ожидания двойственны: это ожидания-опасения, поскольку социальный порядок консервативен и вырабатывает защитные механизмы от инноваций, молодежных в том числе. Соответственно, надо разделять новационные свойства, инновационный потенциал и инновационные возможности молодежи, которые наполняются разным содержанием и обладают разной динамикой в зависимости от многих внутренних и внешних факторов социокультурного развития. Даже самый предварительный прогноз того, что ждет человека и общество в ближайшие десятилетия, показывает, что теории молодежи еще далеки от осмысления этой перспективы как реальности нынешней молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

Где готовят социальных инженеров // Спецвыпуск Хакер. N 008.

Горишков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

Григорьев С. И., Немировский В. Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI в.: (К формированию основ социальной логотерапии и социальной педагогики). Барнаул-Красноярск, 1995.

Гуманитарное знание: перспективы развития в XXI веке / Под общ. ред. Вал. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

Доведов С. Н., Луков Вал А. Владельцы мобильных телефонов: тезаурусный подход к их типологизации // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. трудов. Вып. 10 / Под общ. ред.

Вл.А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

Елин А. Как стать кидалтом // Профиль. 2007. N 45(553).

Жулковска Т. Социализация людей с ограниченными интеллектуальными возможностями: соотношение институтов и процессов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2002.

Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России: в 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008.

Зубок Ю. А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социол. исслед. 1998. N8. С. 47 - 56.

Зубок Ю. А. Проблемы риска в социологии молодежи. М.: Моск. гуманит. -социальн. академия, 2003.

Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003.

Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества / ИСПИ РАН; НИЦ при Ин-те молодежи. М., 1998.

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

Ильинский И. М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. М.: Голос, 1999.

Ильинский И. М. Образовательная революция. М.: Изд-во Моск. гуманит. -социальн. академии, 2002.

Ильинский И. М. Прошлое в Настоящем: Избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

Ковалева А. И. Социализационная норма в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1997.

Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.

Левикова С. И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.

Луков Вал.А. Гуманитарная экспертиза: взгляд экспертов-гуманитариев: Итоги экспертного опроса (май-октябрь 2007 г.). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.

Луков Вал.А. Тезаурусная концепция молодежи // II Всероссийский социологический конгресс. М., 2003. Т. 3. С. 71 - 72.

Луков Вал.А. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. 2007. N3. С. 70 - 82.

Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2008.

Майзель Е. Шизофрения, тупость, идиотизм... Кто даст больше? // Русский журнал. 2000. 14 июля. Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2009.

Молодежный экстремизм / Под ред. А. А. Козлова. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1996.

Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. М.: Мол. гвардия, 1993.

Нормальная молодежь: Пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Л. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновск. гос. ун-та, 1995.

- Посторонним вход не воспрещен: Нарративы, дневники, артефакты... аутентичные свидетельства за и против "нормализации" / Под ред. *Е. Л. Омельченко*. Ульяновск: Изд-во Ульяновск. гос. ун-та, 2005.
- Общие вопросы о трансгуманизме URL: www.eternalmind.ru/content/view/67/57.
- Омельченко Е. Л.* Стилевые профили трудовых стратегий молодых специалистов и специалисток в фокусе гендерных исследований // Социол. исслед. 2002. N11. С. 36 - 47.
- Омельченко Е. Л.* Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж. 2003. N 18. С. 142 - 161.
- Омельченко Е. Л.* Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирск. кн., 2004.
- Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Науч. ред. *Е. Г. Слущкий*. СПб., 2002.
- Очковский М. И.* Девиантное поведение пользователей в условиях работы в компьютерных сетях: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
- Павловский В. В.* Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М.: Акад. проект, 2001.
- Реут М. Н.* Особенности социализации неслышащей молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
- Сандомирский М. Е., Хамитов Г. Х., Белгородский Л. С.* Механизмы формирования девиантного поведения подростков и возрастная периодизация психического развития // Мониторинг общественного мнения молодежи по социально-экономическим и политическим проблемам и управленческая деятельность по решению молодежных проблем. Уфа: Башкирский университет, 1996. С. 88 - 91.
- Свиридова А. С.* Нормативная и реальная социализация подростков в образовательном процессе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1999.
- Судаков К. В.* Системокванты - основа голографического построения живых существ // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2007. N 2.
- Тарновска-Якобец У.* Социализация в семьях с дистантным отцовством. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.
- Федотова В. Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Филоненко В. И.* Современное российское студенчество в транзитивном обществе: противоречия и парадоксы социализации: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2009.
- Чупров В. И.* Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие / Отв. ред. В. И. Чупров. М.: Наука, 1992. С. 9.
- Чупров В. И.* Социальное развитие молодежи: Теоретические и прикладные проблемы. М.: Социум, 1994(а).
- Чупров В. И.* Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи: дис. ... д-ра социол. наук. М., 1994(б).
- Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009.
- Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Социология молодежи. М.: Норма, 2011.
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Певцова Е. А.* Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М.: ОАО ТИД "Русское слово", 2009.
- Шапинская Е. Н.* Очерки популярной культуры. М.: Академ. Проект, 2008.
- Шереги Ф. Э.* Социология девиации: Прикладные исследования. М.: Центр социальн. прогнозирования, 2004.
- Шереги Ф. Э., Арефьев АЛ.* Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика (социол. анализ). М.: ЦСП, 2003.
- Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики / Под ред. *А. А. Козлова*. СПб.: Химиздат, 2003.
- Юдин Б. Г.* Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. N1. С. 12 - 20.
- Юдин Б. Г., Луков Вал. А.* Гуманитарная экспертиза: К обоснованию исследовательского проекта. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.
- Cohen Ph.* Rethinking. The Youth Question Education, Labor and Cultural Studies. London: Macmillan, 1997.
- Mead M.* Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. N.Y., 1970.
- Pilkington H. (ed.)* Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. Routledge, 1996.
- Pilkington H.* Russia's Youth and its Culture: A Nation's constructors and Constructed. Routledge, 1994.
- Richter D.* Das Scheitern der Biologisierung der Soziologie: Zum Stand der Diskussion um die Soziobiologie und anderer evolutionstheoretischer Ansätze // Kolner Ztschr. fur Soziologie und Sozialpsychologie. Koln, 2005. Jg. 57, N. 3. S. 523 - 542.
- Schelsky H.* Die skeptische Generation: Eine Soziologie der Deutschen Jugend. 4. Aufl. Dusseldorf, 1960.
- Wilson E.O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge (Mass.); L.: Harvard Univ. Press, 1975. стр. 16